

Во второй половине XVII столетия Русь восстала против России, стремясь изменить роковой ход истории. Призрак нордического Новгорода двинулся, грозя, на Москву - и откуда же? С противоположного края страны, с юго-востока. В 1667 году на Дону вспыхнуло восстание Степана Разина, охватившее почти половину территории Московского государства.

Чтобы понять расовый смысл сказанного, заглянем в конец XII века, когда новгородские ушкуйники - наследники варягов - основали на реке Вятке город Хлынов (ныне город Вятка). «Вятская община управлялась, как и древний Новгород, вечем, во главе которого стояли избранные народом «атаманы» (или «ватманы»; по мнению ряда историков, это слово имеет древнеарийское, а не тюркское происхождение - А.Ш.). Община эта была сильнейшею на всем северо-востоке России...» (Е. П. Савельев, «Казачья История», Владикавказ, 1991). Под предводительством «ватманов» ушкуйники, «эти отважные купцы-воины» в 1361 году дерзко проникают в столицу Орды, а в 1364-65 г.г. под началом «молодого ватмана Александра Обакумовича» достигают Оби и Ледовитого океана. Потом «на 150 лодках» приходят в Нижний и истребляют там «множество татар, армян, хивинцев, бухарцев...» Затем громят Казань, другие татарские города и села, захватывают товары всех встречных купцов. «Хотя подобные набеги не нравились московскому великому князю, принужденному поддерживать дружбу с ханами, но новгородцы его мало слушались и действовали на свой риск и страх» (там же).

Хлынов был вольным городом, независимым и политически, и религиозно. Согласно арийской традиции свободы духа, вятские священники, как и в Новгороде, избирались народом (в Новгороде выбирали и самого архиепископа; до известных пор выборность священников сохранялась и на Москве). Московский митрополит Геронтий жаловался, что «он не знает даже, кто там духовенство». В 1489 году, спустя десятилетие после окончательного разгрома Новгорода Иваном III, Москва дотянулась и до Хлынова. «Разгром Вятки сопровождался большими жестокостями: главные народные вожаки Аникеев, Лазарев и Богодайчиков были в оковах привезены в Москву и там казнены; земские люди переселены в Боровск и Кременец, а купцы в Дмитров; остальные обращены в холопов...» (там же). Однако весьма значительная часть хлыновцев не покорилась, «со своими женами и детьми на судах спустилась вниз по Вятке и Волге до Жигулей и укрылась в этом малодоступном и диком краю. В первой половине XVI столетия эта удалая вольница с Волги перешла волоком на Иловлю и Тишанку, впадающие в Дон, а потом, при появлении в низовьях Дона азовского, запорожского и северского казачества, расселилась по этой реке вплоть до Азова» (там же).

Именно новгородцы составили культурно-расовое ядро позднего донского казачества, благодаря которому Дон стал одним из плацдармов сопротивления иудео-московскому режиму в 1918-м и в 1942 г.г. (сейчас мы не говорим о наростах; казачество в целом - сложное и противоречивое явление, в том числе и в расовом смысле, хотя, надо сказать, что некоторые историки ведут происхождение донского казачества от древнеарийской воинской касты). «Казачи-новгородцы на Дону самый предприимчивый, стойкий в своих убеждениях, даже до упрямства, храбрый и домовитый народ. Казачи этого типа высоки на ногах, с широкой могучей грудью, белым лицом, большим, прямым хрящеватым носом, с круглым и малым подбородком, с круглой головой и высоким лбом. Волосы на голове от темнорусых до черных; на усах и бороде светлее, волнистые...» (там же). Налицо в общем нордический генотип. Именно новгородцы принесли на Дон вечевое устройство, выборность священников, а также многие обряды, коренящиеся в русском «язычестве» (Новгород очень медленно, вплоть до XII века, усваивал христианство и в конечном счете весьма ариизировал его, создав особое, народное православие, весьма отличное от византийско-московской церковности). Так, при бракосочетании «когда собирались ехать в церковь, то впереди поезда шел, а с хутора мог и ехать, священник с крестом в руках, за ним жених в алой черкеске, с высокой шапкою в руках, рядом с колдуном (точнее, с волхвом - А.Ш.)...» (этот обычай в самом Новгороде запретили собором лишь в 1667 году). Кроме того, в Новгороде был распространен обычай венчаться в «церкви и около ракиты, как о том поется в былине о Дунае Ивановиче: «круг ракитова куста венчались»» (само же венчание в церкви считалось не обязательным). «Известно, - пишет Е.П. Савельев, - что Разин, отвергавший форму церковного брака, велел венчать молодых вокруг ракиты или вербы. Не удивительно, что Разин, как человек грамотный, читал и хорошо знал древние новгородские языческие предания. Это подтверждается и тем, что Разин часто выражался языком былин, подражая Ваське Буслаеву, новгородскому удалцу». Уместно предположить, что знаменитый казачий вождь был посвящен в сокровенную арийскую традицию, из-за чего и заслужил у профанических московских церковников репутацию «колдуна» (после ареста Разина держали в соборном притворе на «освященной» цепи).

Исследователи отмечают также архитектурное сходство древних новгородских и донских храмов. Объяснение этому простое: строительное искусство на Дон принесли новгородцы, унаследовавшие его от своих предков-венедов, знавших не только зодчество, но и литье статуй (еще в XI веке в Упсале, по свидетельству Адама Бременского, стоял золотой кумир Радигаста). Новгородцы считались «лучшими мастерами при возведении церковных деревянных построек как в северных областях, так и на Дону. План и фасад этих построек был свой, особенный, древне-славянский, ничего общего с византийским стилем не имеющий - это архитектура древне-славянских языческих капищ, близко напоминающая древне-персидскую... Окна в этих церквях до начала XIX века были круглые и маленькие, так что впечатление внутренности подобного храма было мрачно и напоминало скорее грозного языческого Сваргу прибалтийских славян, чем кроткого Иисуса» (там же).

Кроме того, «связь новгородских областей с Доном сказывается, помимо исторических данных, еще в следующем: в говоре, тождественных названиях старых поселений, озер, рек, речек, урочищ..., народной орнаментике, нравах..., обособленном церковном управлении, антропологии жителей-воинов древнего Новгорода и Дона и проч.» (там же).

Е.П. Савельев пишет о Разине:» Закон, общество, церковь, все, что веками сложилось в московском государстве под влиянием византийского культа, им отвергалось и попиралось». Разин, в чьем солнечном имени слышится древнеарийское название Волги - РА - это расовая реакция русских на господство азиатчины. Атаман хотел переделать Россию на казачий, т.е. новгородский лад; проще говоря, хотел переделать Россию в Русь. Восстание Разина произошло тогда, когда позорное крепостничество ознаменовало дальнейшее отчуждение московской (российской, советской) Системы от русского народа. С 1649 года в Московской «Руси», которую по сей день патриоты воспевают в качестве «народной монархии», русских продавали как скот, оптом и в розницу.

Неслучайно, что в 1668 году - в контексте разинского движения - восстал Соловецкий монастырь - духовный центр вольнолюбивого Новгородского Поморья, куда приходил паломником Разин. Соловки встали за старую веру, сохранявшую расовые народно-православные начала. Восемь лет северная твердыня выдерживала московскую осаду, и лишь в 1676 году, благодаря предательству отщепенца, царские войска взяли крепость. Расправа была по-московитски жестокой. Из 400 защитников Соловков уцелело лишь четырнадцать - кого перевешали, а кого просто заморозили. После Октября иудо-большевики, продолжая традицию московского азиатизма, отомстили светлым Соловкам, устроив там один из своих первых лагерей уничтожения русских.

Е.П. Савельев утверждает, что в ходе подавления разинского восстания Москва истребила порядка 100 тысяч человек. Русская попытка взломать клетки Проекта была, как до и после этого, пресечена нещадно. Каратели сжигали целые деревни вместе с жителями лишь по подозрению в повстанчестве (Тухачевский потом будет травить мятежных мужиков газами). Об этих «хатынях», мы почему-то не вспоминаем...